

ПРАВДИВЫЙ ЛИК ИСКУССТВА

нием? Сейчас, наоборот, после показа по телевидению зрители хотят увидеть этот спектакль и на сцене. Не потому ли был почти одновременно показан на сцене и на экране (в разных, естественно, вариантах) спектакль Московского театра имени М. Ермоловой «Не в свои сани не садись» по пьесе А. Островского? А разве не способствовали дополнительному успеху на сцене показы на телеэкране спектаклей «Принцесса Турандот» у вахтанговцев или «Мещане» в Ленинградском Большом драматическом театре? Секрет его в том, что на телевидении был показан не просто свой вариант спектаклей: ничто не может заменить зрителю в театре непосредственного общения с актерами, удивительного акта сотворчества.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

□ □

Я ЧАСТО ДУМАЮ о том, какими семимильными шагами движется вперед наша жизнь, как стремителен ее ритм, какое многообразие событий, явлений, дел создают ее широкий поток, устремленный в будущее. Трудно художнику угнаться за ее темпом. Но здесь важно еще увидеть, учесть и движение твоей личной творческой жизни — малой частицы великого общего, почувствовать особенность ее развития, отбросить то, что оказалось лишним, наносным, увидеть в ней истинные ценности и, утверждая их, двигаться вперед.

Художник обязан уметь разбираться во всем хорошем и во всем плохом, что было у него. Такая переоценка — явление естественное для художника. Чувствую это на себе. По тому, что, например, делал я в кинематографе и в театре в 20-х и 30-х годах, и по тому, к чему я склоняюсь нынче. Ушли и озорство, и легкость, и эксцентричность — и не только потому, что с возрастом труднее выделять на сцене или съемочной площадке кульбиты, эскапады и всевозможные трюки, искать некую сенсационную необычность, все выворачивать как бы наизнанку. А просто начинаешь понимать, что истинные ценности искусства — глубже, не в этом поверхностном, пестроцветном слое, в котором теряется объемность, красота и глубина мысли. Со временем убеждаешься, что искусство — это не сенсация. Правда жизни — вот его лицо.

ВПРОЧЕМ, это касается в целом и разных видов искусств. Особенно наглядно видно это на процессе становления телевидения как искусства. Да, именно, искусство! Со своей спецификой, требованиями к актерам, режиссерам, операторам, художникам, комментаторам, дикторам. Вспомним, что в самом начале, еще в тридцатых годах, телевидение было лишь аттракционом. Теперь оно не просто мощное средство информации наряду с печатью и радио, неизмеримо расширились его функции в деле эстетического воспитания.

Помню свои первые встречи с телевидением. Тогда оно еще просто транслировало спектакли прямо из театров. Вся телевизионная режиссура состояла лишь в том, что надо было свети мизансцены, более компактно расставить актеров на сцене, чтобы все попадало «в фокус» телеобъектива. Кое-какие театральные постановки и нынче могут быть показаны так. Но сегодня телевидение стремится к своему прочтению спектакля. Более того — создает свои фильмы, концертные программы, постановки, даже целые циклы, когда его герои в течение нескольких вечеров приходят в наш дом с голубого или цветного экрана. И нам интересна их жизнь, их мысли и чувства, их дела и поступки, развитие характеров. Таких встреч, как правило, ждут миллионы телезрителей. И как важно, чтобы они приносили истинную радость общения, несли бы глубокое содержание, показывали бы правдивый лик жизни.

Ловлю себя на том, что, просматривая программу на неделю, я начинаю планировать свое свободное время, чтобы не пропустить нечто интересное, увидеть продолжение понравившейся передачи. Знаю, с каким интересом люди смотрели и ожидали продолжения показа на телеэкране серий фильма «Война и мир» С. Бондарчука. Безусловная удача — одна из последних работ телевидения — многосерийный фильм по роману Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень». Менее удачна, может быть, несколько растянута телевизионная многосерийная постановка «День за днем» М. Анчарова. Здесь чувствуешь, что в последних сериях вроде бы иссякает, вянет сам сюжетный ход, образы не получают глубокого дальнейшего развития — просто сводятся к финалу концы с концами. Даже такая «неиссякаемая», популярная передача, как «Кабачок 13 стульев», требует постоянного свежего притока тем, героев, исполнителей. Нельзя бесконечно копировать даже однажды очень удавшееся.

Художественные программы телевидения не могут быть просто механической совокупностью, отражением разных личных вкусов даже весьма одаренных людей. Их должна цементировать единая эстетическая программа, учитывающая все богатство

нашего многонационального искусства. Да, телевидение должно работать на все категории зрителей, но не забывать и о главном — о воспитании их настоящего художественного вкуса, поднимающего, окрыляющего человека, дающего возможность активно воспринимать все на экране.

В этом смысле, мне кажется, есть некий перебор в телепрограммах разного рода «детективных» и «приключенческих» историй порой невысокого художественного уровня. Существует немалый перекосяк и в сторону эстрадно-развлекательных программ, безликих, похожих друг на друга, штампованных. Я не против «детективов» и эстрады, не хочу этим выступлением «насолить» их любителям. Наоборот, знаю, какой оправданный интерес вызывал цикл телепередач «Следствие ведут знатоки», потому что и драматургический материал здесь добротный, и актеры подобраны интересные, и играют они хорошо. Тут верна формула: пусть меньше, но лучше! На телеэкране должно быть все лучшее, выбранное из лучшего.

Воспитание и утверждение истинного художественного вкуса нового человека, строителя коммунизма — одна из главных задач телевидения. За последнее время в этом отношении делается многое, хотя все еще явно недостаточно. Появились интересные передачи, художественные и пропагандистские одновременно, — рассказы о современной симфонической музыке известного дирижера Геннадия Рождественского, оперы с комментариями музыковедов, концерты симфонических оркестров. Больше стало обращаться телевидение и к произведениям писателей, к ним самим, чаще стало звучать с экрана художественное слово.

Мне кажется, проблема художественного слова требует особого разговора. Телевидение здесь может стать одним из самых действенных воспитателей вкуса к живому и красивому языку, «домашним рассказчиком», пропагандистом настоящих богатств русской, советской и мировой литературы. Доверительность и простота разговора по телевидению позволяют актеру находить со зрителем тончайшие контакты, осуществлять свои заветные замыслы.

Конечно, в зале зритель поставлен в иные условия, его настраивает уже сама атмосфера концерта. Здесь ничто его не отвлекает — ни звонки, ни разговоры, ни приход гостей. Дома подобную атмосферу надо подготовить. Знаю, что люди специально собираются слушать Ираклия Андроникова. Простота, естественность, доверительность его рассказов вкупе с артистизмом — вот секреты его успеха. Вспомню, как интересно читал Д. Журавлев по телевидению произведения Чехова и неожиданные в его исполнении отрывки из «Василия Теркина».

Все это я пишу потому, что вижу, как за последние годы активизировалось телевидение; в нем работают инициативные и талантливые люди, создающие условия для плодотворного творчества. Я это испытал на себе, когда работал над передачами «Наедине со словом», «Эти разные, разные, разные лица» и гоголевскими «Старосветскими помещиками». Это был во многом поучительный опыт. Здесь я почувствовал удивительную силу простоты телевизионного искусства, когда ты одновременно остаешься со зрителем как бы один на один и в то же время незримо чувствуешь, ощущаешь миллионы зрителей. Зрители видят тебя словно через линзу. И здесь нельзя ничем погрешить, сфальшивить. Здесь сразу видны попытки умничанья, тон менторского поучения, желание покрасоваться. Здесь видна сама суть человека, его личность (она должна быть — это одно из главных условий действительности телеискусства!).

ДУМАЮ, что сегодня, когда идет взаимодействие и взаимопроникновение разных искусств, телевидение не может не влиять на все другие виды. В том числе и на такой древний вид искусства, как театр.

Еще недавно велись разговоры о том, не погибнет ли театр в конкуренции с кинематографом, с телевиде-

Разве может что-то заменить чисто театральные средства художественной выразительности, когда в «игру» включается не только сцена, зрители, но и самые отдаленные части зала? Достаточно вспомнить в связи с этим сцену проводов Хлестакова в «Ревизоре», поставленном в Малом театре, когда за спинами зрителей, словно в отдалении, где-то в темноте из динамика звучат его прощальные слова: «Прощайте, маменька!» И голос ямщика: «Эй вы, залетные!» И вдали затихает звон колокольчиков лихой тройки.

ПОИСКИ истинной театральности, по моему убеждению, должны идти в русле углубленного прочтения автора, его драматургии, выявления психологических красок, раскрытия правды характеров и жизни. В этом смысл искусства. Конечно, на этом пути могут и должны быть эксперименты. Но эксперимент эксперименту рознь. Когда, скажем, он сводится к уже найденным (а иногда и отвергнутым) внешним приемам, разве это новация?

В свое время В. Мейерхольд восхищался игрой М. Чехова в роли Хлестакова. Но сам он из-за духа противоречия, что было свойственно этому талантливейшему и очень сложному художнику, пошел иным путем, ввел двойника Хлестакова, немало нафантажировал, напридумывал много интересного, но и зряшного тоже. Этот эксперимент был больше связан с мыслью сделать спектакль во что бы то ни стало необычным, дописать, дополнить автора, нежели с желанием глубже и тоньше прочесть Гоголя, не навязываясь к нему в соавторы, следовать его заповеди театрам: не входить в карикатуру. Я не против смелых экспериментов режиссеров. Но надо помнить, что и сам В. Мейерхольд открещивался от подобного рода сценических выкрутасов (а они-то порой и извлекаются из театральных архивов сегодня), называя все это «мейерхольдовщиной».

Истинное, глубоко реалистическое искусство всегда просто, правдиво и потому весомо, где бы оно ни появлялось — на телеэкране, в кино или в театре. И нынешние поколения зрителей имеют право видеть Гоголя, Островского, Щедрина, Сухово-Кобылина, Горького в их «чистом» виде. Только познавая прошлое, мы можем оценить всю ту глубину исторических преобразований, которые произошли в нашей стране.

Сейчас все мы готовимся отметить 150-летие со дня рождения величайшего русского драматурга-реалиста А. Островского. Одна за другой появляются его пьесы на телеэкране — «Снегурочка», «Не в свои сани не садись»... Я работаю в Малом театре над постановкой его комедии «Лес». В третий раз я буду встречаться на сцене с этой пьесой. Это как бы три этапа в моей жизни. Постановкой «Леса» я хочу показать и прославить лицо русского актера. Для меня оно в образе Геннадия Несчастливцева, потому что он является рыцарем, своего рода Дон Кихотом, актером, жизнь которого не может быть без театра, ему противно существование мещанства, пошлости, эгоизма и подлости, в какую бы скорлупу они ни прятались, ни рядились.

Искусству глубоких, правдивых мыслей и чувств должен служить художник, а не внешним выкрутасам, ложной многозначительности и поверхностным новациям, не трогающим сердце. Такова славная традиция, заложенная нашими великими предшественниками и современниками, давшая всемирную славу русскому реалистическому искусству и искусству социалистического реализма. Развивать, укреплять ее — наша задача. А это значит — правдиво показывать нашу жизнь во всем ее богатстве и многообразии.